

DOI 10.35775/PSI.2025.122.5.006

УДК 930.1 (470.6)

А.Ю. МОИСЕЕНКО

ассистент кафедры истории России

Гуманитарного института Северо-Кавказского

федерального университета, Россия, г. Ставрополь

E-mail: alina.moiseenko97@gmail.com

КРАТКИЙ ОБЗОР БЫТА, ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПО ОПИСАНИЯМ НЕКОТОРЫХ РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX ВЕКА

В статье приведен краткий обзор быта, традиций и обычаев жителей Северного Кавказа по описаниям российских путешественников XIX в., в своих работах представили материал, который фиксировали лично и были свидетелями происходящих событий того времени или получили данные из рассказов местных жителей. Кратко в статье проанализировано то, как отличался внешний вид жителей в зависимости от своего происхождения, какое наказание могли понести за нарушение обычаев, наездничество и разбой как главный обычай местных жителей, который сопровождался с одной стороны набегами, которые совершали предки, а с другой стороны с целью получения добычи, а также с целью кровной мести. Также в работе рассмотрены вопросы влияния природно-климатических условий на образ жизни коренных жителей Кавказа, их гостеприимство, внешний и внутренний вид их жилищ, а также их основные виды занятий. В статье предложен краткий анализ образа жизни местного населения Кавказа, который необходимо учитывать при дальнейшем изучении культуры местных жителей, а также для установления контакта и стабильных взаимоотношений между присоединенной частью Кавказа и Российской империей в исследуемый период.

Ключевые слова: российские путешественники XIX в., Кавказ, быт, обычаи, традиции, наездничество, горские жители, внешний вид местных жителей.

Отдаленные окраины Российской империи всегда привлекали внимание российской общественности. С ними она могла знакомиться через тот материал, который был собран и опубликован путешественниками, посетившими регион с теми или иными целями. Начиная с конца XVIII в. большое количество людей из Центральной России посетило Кавказ и оставило о нем заметки разной степени достоверности. Их изучение в контексте интеллектуального освоения региона в настоящее время начинает все больше привлекать внимание отечественных и зарубежных исследователей.

В данной работе охарактеризована лишь часть этого комплекса – труды тех людей, которые по определенным причинам: из личного интереса, по долгу службы или с целью реализации дипломатического задания совершали поездки

и в ходе них описывали культуру народов региона. Их интересовали природные условия Кавказа, взаимоотношения народов между собой, их этнография, верования и культура. Результатом творчества путешественников заметки и травелоги, которые были выполнены в устоявшемся в первой половине XIX в. стиле рассуждений. Их авторы выполняли в разном стиле – от сухого статистического описания до сентиментального повествования о полученных авторами в ходе путешествий опыте. В любом случае авторами приводились самые разнообразные сведения как о регионе в целом, так и о народах, его населявших, и событиях, свидетелями которых они были. Личная вовлеченность в события и передаваемые авторами эмоции делали травелоги привлекательными для широкой читательской аудитории, а собранные сведения популяризировали знания о регионе [15. С. 77]. При этом, по точному наблюдению М. Пратт, современный исследователь, читающий травелог XIX в. должен обращать особое внимание на построенное автором своего нарратива и стремиться понять какие социальные, культурные и политические штампы использует путешественник [15. С. 18].

Учитывая глобальные изменения, которые происходят в повседневности и затрагивают самобытную культуру народов, в данной статье предпринята попытка кратко охарактеризовать то, какими для российских путешественников представлялись обычаи и традиции народов Северного Кавказа XIX в. В ней мы взяли отдельных, на наш взгляд наиболее «ярких», российских путешественников, которые описывали регион как неизведанный край, с целью сбора этнографических данных и сведений о природно-климатических условиях для использования властями потенциала данного региона.

Подход к представлению этнографического материала в работах российских путешественников и исследователей менялся со временем, многим не хватало комплексности в представлении образа того или иного народа, так как целью составления заметок было не это, а стремление передать читателю собственное впечатление от увиденного. В начале XIX в. работы путешественников были. Примером данного подхода может служить труд С.Д. Нечаева «Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России» [13]. Он был написан в 1826 г., и на фоне описания природы содержал краткие сведения об обычаях и традициях местных жителей.

Следует отметить, что в условиях Кавказской войны у путешественников в первой половине XIX в. не было возможности длительного пребывания на этнических территориях, путешествовать самостоятельно было опасно и необходимо было сопровождение военных. Данное обстоятельство неизбежно сказывалось на характере составляемых этнографических описаний не только военных, но и гражданских исследователей.

Исключением из общей тенденции может быть работа И.Ф. Бларамберга «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа», который был написан в 1834 г. [7]. Работа составлена на основе сведений, имевшихся в штабе Кавказского корпуса и личных наблюдений

автора, она является энциклопедией по истории и этнографии отдельных народов, а также включает общие сведения о регионе.

Более интересны наблюдения путешественников, которые были сделаны во второй половине XIX в. В это время закончилась Кавказская война, и регион стал открыт не только для военных, но и для гражданских исследователей. Кроме того, начались Великие реформы, повлиявшие на все стороны жизни населения страны, активно шла капиталистическая модернизация уклада, что было подмечено людьми, путешествовавшими на Кавказ. Например, написанные в 1866 г. труды И.И. Аверкиева [2. С. 276-323] и И.П. Ограновича [14] в отличие от труда С.Д. Нечаева представляют уже более полный этнографический материал, а работа Е.Л. Маркова «Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории» [10] может служить ярким примером общего изложения сведений о жизни большей части населения Кавказа.

Труды И.Я. Акинфиева, Н.М. Альбова и А.П. Андреева, относящиеся к 1890-м гг., описывают уже отдельные территории Кавказа, например, Осетию, Сванетию, Дагестан [3; 4; 5]. К этому времени у путешественников появилась возможность посетить их для изучения, а не фиксировать общие сведения о всём Кавказе, в процессе переездов через него. Учитывая хронологическую последовательность опубликованных трудов, необходимо обращать внимание на то, как изменились возможности и способы изучения территории Кавказа. Со второй половины XIX в. у путешественников появилось больше времени для изучения, и этот процесс был уже менее опасным и спокойным.

Анализ трудов путешественников дает возможность понять, что жизнь коренных жителей Кавказа, особенно в XIX в., претерпела существенные изменения, которые в политическом отношении были в значительной мере связаны с приспособлением к новой власти, но быт, обычаи и традиции местных жителей сохранились. Именно путешественники в большинстве своем изучали и получали сведения об образе жизни жителей Кавказа, ведь для налаживания действенного управления этот регион необходимо было изучать: уважать, понимать и соблюдать традиции и обычаи местных жителей, знать в каких условиях они живут, понимать то, насколько повлияло на их быт и культуру вхождение Кавказа в состав Российской империи.

Прежде всего, путешественники обращали внимание на детали быта, обычаи и традиции местных жителей и выделяли их особенности и различия у разных народов. Следует учитывать, что у путешественников были разные цели проведения исследования, что влияло на характер отбора и представления знаний. Например, И.П. Огранович совершал путешествия с военно-стратегической целью, а И.Ф. Бларамберг и Я.В. Абрамов целенаправленно стремились всесторонне изучить культуру коренного населения Кавказа. Однако, их всех объединял интерес к быту, традициям, образу жизни местных жителей. Прежде всего, путешественники указывали на влияние природно-климатических условий на быт народов Северного Кавказа. Например, говоря о конструкции горских

домов, они указывали на большое влияние климатических условий на выбор материала, который использовался при строительстве.

Одним из первых исследователей этнографии народов Кавказа стал И.Ф. Бларамберг. Являясь офицером Генерального штаба, он в 1832 г. был назначен на должность помощника начальника III отделения канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба и помимо исполнения своих основных обязанностей составил подробное описание Кавказа [8. С. 31]. К тому времени, когда И.Ф. Бларамберг приступил к описанию Кавказа, имперская администрация уже располагала некоторыми сведениями о данном регионе, но в своей работе исследователь попытался обобщить все имеющиеся данные, дополнив их самостоятельно собранным во время пребывания в регионе материалом. В результате своей работы он создал своего рода энциклопедию этнографии Кавказа, которая не утратила своего значения до настоящего времени и считается важным источником информации о прошлом народов региона. Например, в своей работе И.Ф. Бларамберг описывал жилища черкесов, как сооружения похожие на «корзины», которые обмазали глиной, плели из веток, а крышу делали из камыша. Эти жилища были окружены оградой, стояли в ряд, учитывая гостеприимство горских народов, для приезжих были отдельные домики [7. С. 57]. Дома кубанских черкесов исследователь описывал как строения, которые также возводились с учетом климатических условий. Как отмечает автор, районы Закубанья славились прочной глиной, строительство плоских крыш было неактуальным, и крыши в основном были из соломы или камыша. Он также обращал внимание на то, что жилища обмазывали внутри и снаружи глиной, внутренняя часть дома была выбелена. Недалеко от жилища находилось маленькое помещение – уборная. В самом центре двора находился загон для скота, запиравшийся на ночь [7. С. 57].

В горной местности Кавказа постройки были иные, так в этих природно-климатических условиях их строительство с использованием глины было крайне затруднительным. Здесь самым распространенным материалом для строительства жилищ был камень. Глина не использовалась. Камни складывались друг на друге, что делало жилища прочными, и в них могли проживать длительное время несколько поколений [7. С. 57]. По замечанию И.Ф. Бларамберга, именно в горной местности постройки не имели общего ограждения и находились на расстоянии друг от друга, но при этом имели несколько этажей (в основном два: верхний – жилая площадь, а нижний – для скота) [7. С. 57]. В каждом горном поселении было здание, которое являлось убежищем в случае военных действий или нападения неприятеля. Такие строения также имели в основном два этажа. Верхний этаж предназначен был для мужчин, которые защищали территорию, а нижний этаж для женщин и детей [7. С. 57]. Для лучшей защиты и контроля местности жилища старались строить на возвышенности, в основном из камня, но были и деревянные постройки, распространённые в предгорных районах. Их сооружали в основном из бревен дуба, крыши были покрыты соломой, жилища украшали липой [7. С. 57]. Жилая площадь, как правило, состояла из одной

или нескольких комнат, в главной комнате был камин. Постель представляла собой доску со скошенными углами и располагалась рядом с камином. Ее на весь день закрывали войлочным ковром, одеяла были обшиты тканью и набиты шерстью или ватой [7. С. 58].

Обращаясь к описаниям Бларамберга, следует учитывать, что его труд носил в основном военно-политический характер, которому был подчинен весь, даже, казалось бы, сугубо хозяйственный нарратив. В условиях Кавказской войны, в которых творил И.Ф. Бларамберг, все описания были собраны для обеспечения информацией военных. Военные писали, что от устройства жилищ местных жителей зависел и стиль ведения ими войны: черкесы на Северо-Западном Кавказе свои жилища легко бросали, так как их было несложно выстроить вновь на другом месте; а вот в Дагестане каменные сакли превращались в пункты обороны, и местные жители самоотверженно защищали свои аулы [9. С. 74].

К середине XIX в. акценты в гражданских описаниях сменились, и путешественников стали интересовать не столько военные аспекты, сколько вопросы социальной дифференциации традиционалистских обществ. Например, отличия в домах аристократических и демократических обществ черкесского населения региона. Одним из путешественников, описавших эти реалии, стал С.Д. Нечаев. Он был государственным служащим, историком, археологом-любителем, а также увлекся описанием быта, традиций и обычаев местных жителей. Он выявил ряд важных этнографических особенностей, например, специфику жилищ черкесов, у которых дома у представителей привилегированных сословий, и их подвластных выглядели как мазанки, выбеленные как внутри, так и снаружи. В них не было печи, рам, потолка. В доме была главная комната (сакля), в которой располагался лучший инвентарь. В одном из ее углов стояли два дивана, которые, по мнению С.Д. Нечаева, напоминали русскую мебель, так как были украшены резьбой. Он также обратил внимание на то, что по внешнему виду жилища сложно было уловить разницу между знатными и обычными жителями. Единственная особенность, по его мнению, по которой можно было отличить жилище дворян – это их опрятный внешний вид жилища [13. С. 5].

Еще один российский путешественник, писатель и общественный деятель – В.С. Кривенко, путешествуя на Северный Кавказ в 1895 г., прибыл в дагестанское селение Каякет и остановился в доме у местного бека. По его описаниям, дом бека ничем не отличался от домов обычных жителей. Как и у других жителей селенья, комнаты были чистые, в их число входили кабинет, кунацкая и столовая. Помимо традиционной утвари, в доме находилась «европейская мебель, кровать, письменный стол с разными безделушками и фотографиями» [9. С. 74], что свидетельствует о вале об активно шедшей в конце XIX в. модернизации жизни жителей этого селения.

В целом, подводя итог, следует отметить, что во время путешествий на Кавказ, не было выявлено существенной разницы в жилищном строительстве между богатыми и бедными жителями, а главным объединяющим фактором в строительстве был учет природно-климатических условий региона.

Природно-климатические условия оказывали влияние не только на строительство жилищ, но и на занятия местных жителей, в первую очередь в высокогорной местности, где встречались трудности в занятии земледелием. Например, многие путешественники отмечали, что местные жители предгорий стремятся выращивать не привычные для центральной России зерновые культуры, а кукурузу и иногда пшено. Это обстоятельство заставляло местных жителей покупать муку у русских переселенцев. Путешественники также отмечали, что основную пищу горцев составляет молоко и баранье мясо, что в свою очередь вызывало повсеместное распространение скотоводства [13. С. 6].

Путешествуя по Ичкерии, И.П. Огранович обратил внимание на то, что ее жители занимались земледелием [14. С. 11], при том, что большая часть территории Ичкерии была покрыта заросшими лесом горами. Данные природные условия вынуждали чеченцев («ичкеринцев») вырубать леса, выжигать траву, после этого, делая углубления примитивными орудиями труда, либо палкой или сохой, закладывая зёрна [14. С. 11].

Замечая, что данный способ обработки земли требовал тяжелого физического труда, И.П. Огранович подчеркивал трудолюбие горцев. Он отмечал, то, с каким трудом давалось хлебопашество местным жителям, не останавливало и не отталкивало их от занятия земледелием, а каждая семья ичкеринцев стремилась получить продовольствие. В случае, если в хозяйстве оставались какие-либо излишки, их, по наблюдению путешественника, стремились продать в соседние поселения Дагестана [14. С. 11-12].

И.П. Огранович как и путешественники в другие части Кавказа, отмечал, что в Ичкерии сеют в основном кукурузу, а пшеницу, ячмень и просо выращивают в небольших количествах. При этом, о технических культурах чеченцы ничего не знали и даже лён использовали для получения масла, а не ткани [14. С. 13]. При этом, по словам автора, из-за нехватки покосных, пастбищных мест и лугов, ичкеринцы особо не занимались и скотоводством. Им приходилось практиковать его отгонную форму: отправлять летом стада в Дагестан – на Андийский склон. Это приводило к конфликтам с андийцами, которые со временем вытеснили ичкеринцев в выпасе скота [14. С. 15-16].

Проблему нехватки пахотной земли также поднимал и путешественник Я.В. Абрамов, который обратил внимание на то, что и в горах Центрального Кавказа, из-за недостатка земель, жители искусственно создавали участок, пригодный для посадки сельскохозяйственных культур, где обычно сеяли просо и ячмень. Они проводили искусственное орошение, которое сопровождалось подводом воды к участку земли, для полива. В некоторых местах, как, например, в балкарских обществах Нальчикского округа для орошения горных участков приходилось проводить оросительные каналы по воздуху, сооружая из дерева особые желоба [1. С. 15-16].

Обращаясь к травелогам, следует учитывать, что авторы описаний были прежде всего людьми определенного исторического периода, конкретно XIX в. Они не могли не разделять бытовавших в XIX в. стереотипов, характерных

для многих европейских колониальных описаний. Одной из центральных идей европейского нарратива об окраинах Мира того времени была мысль, что местным жителям не хватает навыков, умений и знаний для того, чтобы качественно распорядиться теми ресурсами и богатствами, которые предоставляет земля, на которой они живут. Из этого нарратива обычно следовал вывод, что только европейские переселенцы могли наладить хорошее и качественное производство. Эти мысли разделяли и многие российские путешественники по Кавказу, например, В.С. Кривенко [9. С. 78]. Эти мотивы звучали и в работах других российских путешественников на Кавказ, которые приводя примеры хозяйственной деятельности, описывая жилища, одежду или орудия труда горцев, часто делали выводы об их техническом несовершенстве и подчеркивали, что общую отсталость сможет преодолеть только вхождение региона в состав Российской империи.

Так, например, В.С. Кривенко, путешествуя по Дагестану, обратил внимание на то, что этот регион обладал обилием винограда и виноградников, но местные жители не могли «правильно» использовать урожай [9. С.79]. По его описаниям выходило, что вся южная часть Дербента была покрыта виноградниками и деревьями, но местные жители не пытались улучшить и усовершенствовать процесс выращивания и сбора урожая [9. С. 79]. По его мнению, местные жители не заботились о качестве урожая, а делали упор на его количестве [9. С. 79]. Данные путешественника подтверждали и документы официального делопроизводства. Так, в период с 1841-1846 г., по акцизному сбору Дербент выдал государственной казне 10806 рублей, при затратах 1490 рублей [6. С. 18]. Несмотря на то, что природно-климатические условия Дербента позволяли выдерживать вина, жителям не хватало винных погребов, и в большинстве случаев вина из Дербента не подвергались выдержке, для улучшения его качества. Получив и переработав урожай, его сразу отправляли на продажу, увеличивая только количественные, а не качественные показатели [9. С. 80]. Кривенко сводил описанную им проблему к отсутствию знаний и капитала у местных жителей [9. С. 80].

Другие путешественники, такие, как Н.Т. Михайлов, отмечали, что проблема низкой производительности виноделия на Северном Кавказе была связана и с сохранением древних традиций и обычаев, не приветствовавших производство товарного вина. В связи с этим местные жители, не занимаясь в старину виноделием, не могли передать его опыт из поколения в поколения. Виноделием, как отмечает путешественник, занимались в Кизляре, в Пятигорске и Ставрополе, например, в окрестностях последнего разводили виноград для продажи как столового, но никак для вина. По качеству вина, особое положение занимал Кизляр, в котором местные жители собирали урожай винограда и старались сохранить его качество, то стоит отметить, Кизляру также не хватало погребов для выдержки и хранения вина [11. С. 178-179].

Вопросы виноделия нашли отражение и в работе И.П. Ограновича, который описал обычай в Ичкерии огораживать все постройки и сады в аулах низкой стенкой [6. С. 34]. Это позволяло общине следить за тем, чтобы кто-то из ее

членов не собирал виноград в своем саду ранее установленного общиной времени. Описывая эту традицию, И.П. Огранович отмечал, что сначала собираются почетные жители всего аула и осматривают сад, а потом только дают разрешение собирать виноград, в случае нарушения данного обычая, виновник должен будет выплатить денежный штраф [14. С. 35].

Таким образом, материал, приводимый путешественниками, свидетельствует, что виноград и виноделие имели огромную ценность и важность для местных жителей Кавказа, как отдельный вид занятия наравне с земледелием и скотоводством, сложности возникали только в нехватки знаний и опыта, в сохранении и улучшения качества вина.

Помимо земледелия, скотоводства, виноделия, на Кавказе распространено было ремесло. Путешественники отмечали высокий уровень развития ремесленного производства на Кавказе. Его описание занимает видное место в путевых заметках разных авторов, которые, как правило, восхищались умениями местных ремесленников и разнообразием производимых изделий [12. С. 51]. Например, в Дагестанском селе Курбачи все жители на высоком уровне занимались производством оружия, сабель, пистолетов, ножей и других предметов [12. С. 51].

Особую роль среди большинства жителей Кавказа имел домашний промысел, который включал в себя изготовление сукна и ткачество. Почти все жители Кавказа занимались производством полотняно-ковровых изделий и войлока [12. С. 52]. Наблюдалась даже покраска тканей, которую в последующем использовали для пошива одежды. Например, И.Я. Акинфиев, путешествуя по Екатеринославской губернии и Кавказу в 1893 г., непосредственно посещал Осетию и Сванетию. Он отмечал, что в Осетии жители используют кору ольхи для получения коричневой краски для сукон [3. С. 5], которое идет на изготовление одежды.

Помимо самостоятельного создания ремесленной продукции, местные жители Кавказа покупали отдельные предметы промышленного производства у русских, армянских и еврейских торговцев. Это было то, что горцы не умели производить самостоятельно: стаканы, миски, графины, бутылки, тарелки [7. С. 58].

В заметках путешественников мы видим и попытки описать начало модернизационных процессов – то, как в горскую среду проникали продукты промышленного производства из России. Многие авторы поднимали проблему того, что не всегда предметы промышленного производства использовались местными жителями по назначению. Для многих из них этот факт расценивался как признак консерватизма народов на окраинах империи. Например, российский путешественник, писатель и публицист Е.Л. Марков, посещавший Кавказ в последней четверти XIX в., говорил, что в одном из дагестанских аулов местные жители развешивали тарелки по стенам как украшение, просверлив для этого в них дырки [10. С. 584], это занятие подтверждалось и в работе И.Ф. Бларамберга. Несмотря на подобные наблюдения, путешественники приводили и позитивные

примеры интеграции традиционных обществ в общероссийское экономическое пространство, всегда похвально отзываясь об этом процессе.

Особый интерес, путешественники проявляли к этнографическим деталям, прежде всего – к одежде местных жителей. Путешественники обращали внимание на то, что у большинства коренных народов региона в одежде наблюдаются общие черты. Для одежды мужчин были характерны штаны, в основном из сукна. Роль рубашки выполнял кафтан или сюртук, длиной до колена, поверх была черкеска.

По-татарски «чекмень» означает черкеска – это одежда из сукна серого, коричневого или желтого цвета, которая застегивалась плотно на груди. В ней необходимо было наличие маленьких карманов для патронов, которые хранились в костяных или деревянных трубочках. Для более зажиточных местных жителей характерно было ношение рубашки из белого полотна, на рубашки надевали «архалук» (по-татарски) или шелковый бешмет с вышивкой, а поверх – черкеску [7. С. 54].

Местные жители Кавказа носили чулки из шерсти, которые были подвязаны, а также закрытые без подошв башмаки, из кожи или сафьяна, но если необходимо было отправиться в дорогу, тогда надевали сапоги [7. С. 55]. Например, в теплое время осетины носили обувь из козьей кожи или из замши, в холодное время года обувь набивали сеном и перевязывали стопы ремнями, также могли надеть деревянные башмаки (сабо), которые помогали не увязнуть в снегу [7. С. 55].

Головной убор включал в себя маленькую шапку, которая была подбита ватой. У черкесов головной убор был из коротковорсной шерсти, у лезгин, осетин из длинноворсной шерсти [7. С. 55]. В ненастную погоду местные жители закутывались в «бурку» (по-русски), или кавказский войлочный плащ без рукавов. Покрывали голову «башлыком» (по-татарски), который являлся капюшоном из сукна. Одежда горцев состояла из грубого или легкого сукна, которое изготавливали в домашних условиях женщины [7. С. 55].

Другой путешественник – С.Д. Нечаев, посетивший Кавказ в 1826 г., охарактеризовал черкесов как воинственный, гордый и умный народ [13. С. 6]. Их мужской костюм состоял из косматой шапки, бешмета, туго перевязанного ремнем, на котором висела шашка и кинжал, штиблеты из сукна. Обувь делают самостоятельно, без подошвы, потому что ходили мало, длительные расстояния преодолевали верховой ездой. Бурка в плохую погоду была непроницаема и защищала от холода и дождя [13. С. 6].

Внешний вид жителей Кавказа привлекал внимание путешественников и в последующем. Так, И.П. Огранович, путешествуя по Ичкерии в 1866 г., также описал внешний вид местных жителей. Например, по его данным, мужчины носили обыкновенную черкеску, ноговицы, папахи, чевяки [14. С. 22]. Из оружия они имели кинжал, пистолет, шашку, винтовку [14. С. 22]. При этом путешественник отмечал, что «женщины одевались как обычные татарки на Кавказе, лицо

было открытое, украшений было мало, из-за бедности, в ушах носили большие кольца из проволоки» [14. С. 22].

Таким образом, все путешественники, описывавшие одежду местных жителей, отмечали, что она была хорошо адаптированная к природно-климатическим условиям и образу жизни местных народов и сходство в ней указывало на сходство в образе жизни и характере занятий. Одежда горцев не вызывала порицаний, а все комментарии сводились в основном к восхищению ее функциональностью.

Еще более положительно путешественники отзывались о сохранении в горской среде тех обычаев, которые они считали «позитивными», таких как гостеприимство. Так, А.П. Андреев, посетивший Дагестан в конце XIX в., отмечал, что можно было подъехать к любой сакле, и хозяин встречал путешественника с распростертыми объятиями, уходил в самую дальнюю комнату с семьей и предоставлял весь дом в распоряжение гостя. «Во время угощения хозяин не спрашивал национальность – для него вы главный гость», – писал автор [5. С. 24].

По замечанию путешественника Я.В. Абрамова, когда аул посещал русский человек, а это было очень редко, жители аула. С одной стороны, по оценке путешественника, ими двигало любопытство, а с другой стороны, хозяин того дома, где останавливался проезжающий, по обычаю гостеприимства, обязательно резал барана, и в принятии его в пищу принимали участие все жители аула [1. С. 15-16].

Помимо гостеприимства путешественники на Северном Кавказе хвалили и другие обычаи. Храбрость, отзывчивость к вопросам чести, родственная любовь, уважение к старшим, делали из горца «рыцаря далекого старого времени», – писал Кривенко [9. С. 21]. В песнях чеченца и дагестанца восхвалялись острый булат и лихое наездничество [9. С. 21].

Критикуя те черты традиционного уклада, которые не нравились путешественникам, они часто использовали в своих травелогах резкие выражения. Их присутствие в нарративах и резкая риторика, по справедливой оценке М. Пратт, часто являлась проявлением реакции автора на то, что он просто не понимал и не мог объяснить. Это не объективное этнографическое свидетельство, а признак непонимания культуры местных жителей – того, что автор «дошел до границ европейской матрицы оценок» [15. С. 45].

Подобных оценок очень много в травелогах российских путешественников на Кавказ, которые прежде всего пытались приписать горцам страсть к «хищничеству»: разбою и кровному мщению. Многие подчеркивали дерзость горских наездников, особую жестокость их при мести за пролитую кровь родственников, что сопровождалось последующей злобой, вплоть до иступления. Во время путешествия С.Д. Нечаев узнал из рассказов местных жителей о происшествии, которое произошло у лезгин, представлявших по замечанию путешественника, «самое мятежное племя на Кавказе» [13. С. 3]. В карауле отдыхали солдаты, которые только пришли со смены, неожиданно к ним ворвался «как молния» брат убитого лезгина, которому удалось заколоть троих, четвертый схватил ружье, но разбойнику удалось нанести тяжелую рану солдату [13. С. 3]. По рассказам

путешественника, обычай кровомщения сопровождался не пресекаемым рядом убийств и грабежей, но такое явление как куначество на Кавказе сдерживало массовое истребление за убийство родственников [13. С. 5].

Многие путешественники недоумевали по поводу обычая «избегания», существовавшего, например, у черкесов. Если в доме были гости, хозяйка не должна была садиться, а девушка не должна была показываться перед ними. Исключением было то, что девушки могли показать свой наряд, благодаря этому обычаю С.Д. Нецаев увидел дочерей узденя Каспаго Кокуну, Фатимату и Солимату, обратил внимание на красивые и аккуратные черты черкешенок, которые часто скрывают [13. С. 6].

Путешественники обращали внимание на то, как на Кавказе проводили досуг. Например, путешествуя по Дагестану, В.С. Кривенко обращал внимание на то, что несмотря на бедность аулов, люди не отказывались и не ограничивали себя в веселье. Он описывал народный праздник, во время которого у двух саклей толпился народ, были слышны звуки зурны и барабана, а население танцевало [9. С. 35]. Лезгинка обязательно входила в программу увеселений. Некоторые доходили до виртуозности и танцевали среди воткнутых кинжалов [9. С. 42]. Досуг был тем способом, который давал местным жителям Кавказа возможность отвлечься от повседневных трудностей встречавшиеся постоянно.

Таким образом, краткий обзор в описаниях некоторых путешественников XIX в. быта, обычаев и традиций жителей Кавказа формирует общее представление об их повседневной жизни. Благодаря путешественникам, посещавших Кавказ, особенно во второй половине XIX в., после завершения Кавказской войны, были собраны общие сведения о народах Кавказа, которые имеют особую ценность того, как лучше взаимодействовать с коренными жителями Кавказа, какие обычаи и традиции не стоит нарушать, то, от чего на Кавказе. Данные сведения имели важное значение не только для установления контакта, но и для изучения Кавказа, как территории ставшей частью Российской империи, такие сведения необходимы были для ученых, военных, дипломатов. Особую роль играет не только социально-экономические и политические аспекты, но и историко-культурное представление о регионе и его местных жителях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абрамов Я.В.** Кавказские горцы. Краснодар: общество изучения Адыгейской автономной области, 1927.
2. **Аверкиев И.И.** С северо-восточного побережья Черного моря. 1866 г. Абхазия и абхазы в российской периодике... / Сост. Р.Х. Агуажба и Т.А. Ачугба. Кн. 1. Газета «Кавказ», 1866.
3. **Акинфиев И.Я.** Поездка в Осетию на Ардон и в Сванетию. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1893.
4. **Альбов Н.М.** В заброшенных углах Кавказа. Воспоминания о путешествии по Кавказу в 1894 г. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1894.

5. **Андреев А.П.** По дегрям Дагестана // Исторический вестник. 1899. Т. 78. № 10.
6. **Берже А.П.** Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис: Изд. Тип. Главного Управления Наместника Кавказского. Т. X. 1885.
7. **Бларамберг И.Ф.** Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. Москва: Изд. Надыршин, 2010.
8. **Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.** Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. Ставрополь: Дизайн-студия Б., 2021.
9. **Кривенко В.С.** По Дагестану. СПб.: типография А.С. Суворина, 1896.
10. **Марков Е.Л.** Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.-Москва: т-во М.О. Вольф, 1887.
11. **Михайлов Т.Н.** Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Москва: Изд. Надыршин, 2008.
12. **Нарочницкий А.Л.** История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988.
13. **Нечаев С.Д.** Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 1.
14. **Огранович И.П.** Поездка в Ичкерия // Библиотека Ставропольского Педин. ИНВ № 3341/бр. 1866.
15. **Pratt M.L.** Imperial eyes: travel writing and transculturation. London; New York: Routledge, 1992.

A.YU. MOISEENKO

Assistant Professor, Department
of Russian History, North Caucasus Federal
University, Stavropol, Russia

A BRIEF OVERVIEW OF THE WAY OF LIFE, TRADITIONS AND CUSTOMS OF THE INHABITANTS OF THE NORTH CAUCASUS ACCORDING TO THE DESCRIPTIONS OF SOME RUSSIAN TRAVELERS OF THE XIX CENTURY

The article provides a brief overview of the way of life, traditions and customs of the inhabitants of the North Caucasus according to the descriptions of Russian travelers of the XIX century. In their works, materials are presented that personally recorded, witnessed the events of that time or received data from the stories of local residents. The article briefly analyzes how the appearance of residents differed depending on their origin, what punishment could be incurred

for violating customs, horsemanship and robbery as the main custom of local residents, which was accompanied on the one hand by raids that performed tasks, and on the other hand with the aim of obtaining loot, as well as with the purpose of from a blood family. The paper also examines the impact of natural and climatic conditions on the lifestyle of the indigenous inhabitants of the Caucasus, their hospitality, the external and internal appearance of their homes, as well as some other new types of activities. This statistic is important for a brief analysis of the lifestyle of the local population of the Caucasus, which must be taken into account when studying the culture of local residents, as well as for establishing contacts and stable relations between the attached part of the Caucasus and the Russian Empire.

Key words: Russian travelers of the XIX century, Caucasus, life, customs, traditions, horsemanship, mountain dwellers, appearance of local residents.